

Д. Б. ТЕРЕШКИНА

*(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Великий Новгород, Россия)*

ORCID ID: 0000-0002-2079-1116

УДК 821.161.1-94(Пирогов Н. П.)

DOI 10.26170/ufv20-04-05

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ КАК ОСОБЫЙ ТИП ЭГО-ДОКУМЕНТА («ВОПРОСЫ ЖИЗНИ» Н. И. ПИРОГОВА)

Аннотация. В статье рассматривается последнее сочинение великого русского врача и учёного Н. И. Пирогова «Вопросы жизни. Дневник старого врача» как особый тип эго-документа – предсмертные записки. Обладая специфическими характеристиками, предсмертные записки отличаются от канонической автобиографии, от мемуаров, дневников и прочих эго-документов. Сопоставляя труд Н. И. Пирогова с предсмертными записками монаха Троице-Сергиевой лавры к. XIX в., автор статьи выделяет следующие признаки предсмертных записок: очевидное ощущение приближающейся смерти, содержательная и формальная незавершенность, углублённая интимность повествования, сосредоточенность на собственной личности, гораздо большие, по сравнению с классическими автобиографиями, откровенность в изложении описываемого, свобода в повествовании, гетерогенность текста (тематическая, композиционная, стилистическая). В предсмертных записках константным становится обращение к «вечным темам» и к «высокому слогу», эти темы выражающему. Общими темами становятся описание разрушения тела и вместе с тем утверждения величия и ценности жизни. Постоянным оказывается и наличие противоречий в рассуждениях, композиции, обращении к собственному тексту, меняющемуся настроении автора. Внутренняя противоречивость человека и бытия полностью отражается в предсмертных записках как в одном из наиболее показательных жанровых образований «литературы личности».

Ключевые слова: врачи; литературное творчество; литературные жанры; эго-документы; предсмертные записки; автобиографии врачей; автобиографические материалы; дневники.

Николай Иванович Пирогов (1810–1881) – великий русский врач, учёный-анатом, хирург, основатель военно-полевой хирургии, основоположник русской школы анестезии, педагог [Мазинг 2010; Брежнев 1990; Геселевич 1976]. Его письменное наследие, помимо медицинских трудов и знаменитого анатомического атласа, включает статьи об образовании и воспитании детей и юношества [Пирогов 1887, т. 1], а также известное предсмертное незавершенное автобио-

графическое сочинение «Вопросы жизни. Дневник старого врача» [Пирогов 1887, т. 2]¹. Оно и стало предметом нашего рассмотрения.

«Дневник старого врача» создавался Н. И. Пироговым с 5 ноября 1879 г. по 22 октября 1881 г. Указание дат, под которыми значатся фрагменты текста, а также их обрамление сообщениями о текущих делах (прогулках, погоде, самочувствии, хлопотах по хозяйству и др.) придают сочинению форму дневника, хотя в полной мере дневником его считать не представляется возможным. Единая нить рассуждений, возвращение к написанному, пространные размышления на совершенно отвлечённые от повседневной жизни автора темы составляют характеристики скорее философского трактата (или его черновика), структурированного по датам написания составляющих его частей. Сам Н. И. Пирогов называет своё сочинение «дневником», «автобиографией», «записками» – жанровое определение итогового труда, судя по всему, не являлось задачей автора. Важнее Н. И. Пирогову было определение темы создаваемого им произведения, названного «Вопросы жизни». Самое главное должен был уяснить себе готовящийся к уходу из этого мира человек – и это главное, несомненно, не укладывалось в традиционное понимание дневника. Не укладывалось оно и в привычное понимание автобиографии, потому что и её в сочинении в полной мере нет: события жизни, несмотря на то, что они, по признанию автора, иногда до мельчайших подробностей запечатлелись в его памяти, не составляют, по его искреннему убеждению, истинной биографии человека. «Не одна внешняя правда, а раскрытие правды внутренней пред самим собою – и вовсе не с целью оправдать или осудить себя – должно быть назначением автобиографии мыслящего человека» (с. 4). Автобиография, по мысли Пирогова, не нужна как сообщение о фактах жизни человека и его деяниях – это, если того заслуживает человек, могут сделать за него другие. Автобиография не нужна и как исповедь перед людьми: со времён Жана-Жака Руссо многое переменилось, и литературной исповеди читатели, по убежде-

¹ Далее текст цитируется по настоящему изданию; ссылки на страницы даются в тексте в круглых скобках.

нию Пирогова, не доверяют: «издавна принято узнавать о других через других. <...> И современный врач при диагнозе руководствуется не рассказами больного, а объективными признаками, тем, что сам видит, слышит и осязает» (3). Автобиография как исповедь перед Всевышним также не нужна, ибо «Ему, Всеведущему, нет надобности в нашей исповеди» (4). Автобиография не должна быть и чем-то вроде юридического акта оправдания себя перед общественным советом.

Так, методом последовательного исключения гипотез, Н. И. Пирогов приходит к единственно верному для себя выводу о назначении труда автобиографа: «Он не постороннего читателя, а, прежде всего, собственное сознание должен ознакомить с самим собою; это значит, автобиограф должен уяснить себе критическим разбором своих действий их мотивы и цели, иногда глубоко скрываемые в тайнике души и долго непонятные не только для других, но и для самого себя» (4).

Примечательно, что обозначив таким образом предмет своего сочинения (весьма неопределённо) и задачу автобиографии (также не вполне чётко представляемую по материалу изображения), Н. И. Пирогов в своём произведении (которое произведением в литературоведческом смысле назвать невозможно, не только потому, что оно не завершено, но и потому, что Пирогов намеренно отказался от какой бы то ни было «отделки» его формы, уходя от искусственности высказываемого) уходит и от автобиографии, и от дневника, и от исповеди. Исповеди Пирогов избегает и потому, что в полной мере даже предсмертное сочинение не будет исповедью ни перед Богом, ни перед людьми, и потому, что он совершенно намеренно пренебрегает описанием тех своих мыслей и поступков, что составляют «тёмную сторону» души: «...я заранее знаю, что цинически откровенным я и пред самим собою не хочу быть. Чистоплотность нужна не напоказ только. Цинические поступки в жизни лучше оставить, не трогая и не подвергая анализу <...> У нас у всех на дне души довольно грязи; если, опустившись на это дно, её взбаламутишь, то потом сам не отличишь чистого от грязного» (7). Это обстоятельство примечательно потому, что оно противоречит собственному заявлению автора дневника о своей цели, состоящей

в критике собственных действий, мотивы которых могут лежать в тайниках души. Противоречие в эго-документе – константный и даже обязательный признак.

Отказ от всех известных канонов в создании автобиографии приводит Н. И. Пирогова к совершенно свободной и ничем, кроме собственных размышлений, не сдерживаемой композиции своего труда. Именно поэтому последнее сочинение учёного-врача вместило столько тем и попутных размышлений. Пирогов пишет о памяти и культуре человека, о структуре вселенной, о веществе и ощущениях, о мышлении, мозге и разуме, о развитии мировоззрения человека, о жизни, которая для Пирогова неразрывно связана с понятием движения, силы и мысли.

Много пишет Н. И. Пирогов о вере и Боге. «Для врача, ищущего веры, самое трудное – уверовать в бессмертие и загробную жизнь» (с. 185), – признаётся автор дневника. Размышления о религии и своём приходе к вере занимают обширную часть дневника, написанную в январе 1881 года. Пришедший к Евангелию лишь в 38 лет, Н. И. Пирогов убеждён: понятие о Боге не является собственностью мудрецов, а должно быть неотъемлемой частью и «самой дорогой собственностью» каждого мыслящего человека. Раскрывает великий врач и свои самые потаённые мысли о Боге: по его мнению, если он исповедует сам себя перед собой (что, по его признанию, делает «весьма часто»), то он не может не верить искренне в учение Спасителя. И если бы он в какой-то момент захотел признать, что Бог не существует, то не смог бы этого сделать, не сойдя с ума. По мнению Н. И. Пирогова, вера во Христа кардинально отличается от морали двумя существенными элементами – «всеобъемлющей любовью» и благодатью Святого Духа. Врач, учёный-естествоиспытатель, Пирогов признаётся, что сама жизнь привела его к «тихому пристанищу» – вере, и только тогда он обрёл внутреннее равновесие и смысл.

Пространны рассуждения Н. И. Пирогова о воспитании – они, вместе с написанными ранее статьями, составляют педагогическое наследие великого учёного. Главные постулаты Пирогова-педагога давно вошли в историю педагогической науки. Учёный, основываясь на собственном опыте, призывает к сис-

темности образования, которая, по его мнению, напрочь отсутствовала в современной ему традиции воспитания и образования. Собственно, и традиции нет, сетует Пирогов. Учёный выступает против односторонности в педагогике. Учить следует многосторонности обретения истины и постижения жизни. Учить должна сама жизнь, а настоящим вершителем судьбы является человек, индивидуальность, обученная приспособливаться к жизни. Не педагог управляет жизнью, уверен Пирогов, а жизнь управляет им. Развивать в ученике следует прежде всего внимательность. Она формирует культуру познания мира, которое бесконечно. Великое значение придаёт Пирогов слову. Примечательно, что слову он отводит главенствующую роль; слово важнее, чем чувства, уверен врач, что само по себе удивительно.

Значительную часть дневника составляет повествование о реальных событиях жизни Н. И. Пирогова. Он описывает своё детство, домашнее обучение, заведённые в доме родителей порядки, родственников, забавы и увлечения, сознаётся в своих тайных мыслях и грехах. Биографическая часть дневника доходит примерно до половины воспоминаний о петербургском периоде жизни учёного. Увлёкшись многими предметами своих рассуждений, Н. И. Пирогов не заканчивает и части описания своей «обычной» человеческой жизни – и, как оказывается, даже своим незавершённым трудом исполняет своё намерение явить нам главное в автобиографии: историю становления и развития своего внутреннего мира.

Жанр автобиографии давно является предметом пристального внимания исследователей. Создано немало теоретических работ, целью которых стало определение специфических особенностей автобиографии [Сапожникова 2012; Соловьева 2009; Лежен 2000, 2006; Янская, Кардин 1981]. Несмотря на разность подходов, исследователями выделяются такие специфические особенности автобиографии, как наличие одного эгоцентрического сознания, гетерогенность повествования, единство рассказчика, повествователя и автора, совместившихся в одном лице, ретроспектива как принцип организации временного пространства повествования (от начала жизненного пути к его концу) [Нюбина 2000; Местергази 2008; Николина 2002]. При этом

автобиография совершенно определённо относится к так называемой «литературе воспоминаний», где принцип реконструкции (независимо от степени достоверности в изложении прошедших событий) становится главным.

Учитывая признаки автобиографии как жанра, можно с определённой уверенностью сказать, что «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова к жанру автобиографии отнести нельзя. По сути, «Дневник старого врача» не является «литературой воспоминаний» – даже в тех его фрагментах, где воспоминание о прошедших событиях становится главной темой повествования. В предсмертных записях Н. И. Пирогова отражена личность автора-повествователя в момент создания записей, осознаваемых автором как итоговые, рефлексия над этой личностью с позиции настоящего (по отношению к акту записывания) времени. Любое событие, даже незначительное (как, например, долгая обида на мать, причинившую случайно боль автору-мальчику, воспринимаемая как «досадная» и нелепая с высоты пожилого человека), становится материалом размышления автора, на склоне лет обзревающего свою жизнь. Можно сказать, что в таком случае любая автобиография становится в некотором смысле переосмыслением и художественным преображением описываемого; верно, и степень этого преображения следует в каждом конкретном случае оценивать по-разному, в зависимости от множества факторов, обнаруживаемых как в самом тексте, так и «поверяемых» при помощи иных источников. По верному наблюдению исследователя, «автобиография соединяет в себе документальность и фикциональность. <...> Кроме того, человек не может познать себя до конца, понять себя как некую завершённую сущность, ведь уже сам процесс самопознания меняет его, перестраивает его “я”» [Сапожникова 2012: 56]. Учитывая все особенности автобиографии, становится невозможной однозначная стандартизация автобиографии как жанра, совмещающего «подчас противоположные особенности» [Там же].

«Дневник старого врача» Н. И. Пирогова мы склонны относить к эго-документу [Дунаева 2017; Бондарь 2013] особого типа (рассматривая этот термин в русле традиции широкого его понимания [Кравцов 2015]) – как к эго-документу в форме предсмерт-

ных записей. По нашему мнению, такой вид эго-документов принципиально отличается от прочих «документов личности» именно модусом восприятия себя как повествующей / рефлексивной личности и изображаемого. Этот модус определён фактом приближающейся и ожидаемой автором смерти.

Нам приходилось в своё время писать о подобного рода записях [Терешкина 2013] – и это был тем более важный эго-документ, что он принадлежал не известной личности и не писателю, а рядовому насельнику Троице-Сергиева монастыря Авдию, умиравшему в молодые годы от тяжёлой болезни и до последнего ведшему свой дневник (записи доведены до 1 декабря 1897 г.)¹; степень достоверности подобного рода эго-документа, не рассчитанного на внешнее впечатление, можно расценивать как высокую. Примечательно, что, в отличие от записей Н. И. Пирогова, насельник Троицы почти ничего не говорит об ожидаемом в дневнике монаха «умном делании», своём круге чтения; его размышления о нравственности, монашеском долге и прочем отражаются в тексте лишь в связи с перипетиями монастырской жизни, действиями окружающих и своей собственной реакцией на них. Это история последних лет жизни человека, для которого своя, частная история была важнее всего прочего. Регистр повествования меняется с появлением первых признаков неизлечимости болезни Авдия. Весь мир сужается у автора записок до собственного мира, отягощённого недугом. Все внешние события преломляются в фокусе мысли о неизбежности скорого окончания земной жизни. С переменным успехом Авдию удаётся бороться с болезнью, и он начинает радоваться каждому дню, молиться Господу о даровании ему смирения и сил в борьбе с телесными муками. Вот его запись от 1 апреля 1896 года: «О своей болезни я никому не заявлял и никогда на неё не жаловался <...> Говорят – чахотка, – так что же? Умирать когда-нибудь надо и какую-нибудь смертью <...> если Богу так угодно – то да будет Его святая воля» (Б-ка Тр.-Серг. Лавры, Доп. Отд., № 365, л. 16 – 16 об.). Страдающий от болез-

¹ Библиотека Троице-Сергиевой лавры, Дополнительное отделение, №365. Рукопись оцифрована и находится в собрании рукописей на сайте Троице-Сергиевой лавры: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=2&manuscript=365>.

ни Авдий несколько раз думает о самоубийстве и молит Бога дать ему дойти до конца жизни без этого страшного греха. Весной следующего 1897 года почерк Авдия заметно ухудшается, а осенью он ложится в больницу и оттуда больше не выходит. На своё удивление, Авдий шёл в больницу с радостью, и его «желание выздоровления и смерти [были] равны», ибо «мне еже жити – Христось и умереть – Преображение» (л. 26). Следующие страницы дневника Авдий посвящает объяснению того, что при этом он мыслит себя не святым подвижником, с радостью идущим к смерти, а простым смертным, которому сила всё перенести дается лишь Богом, настолько слаб человек и боязлив. Умирает Авдий фактически в полном одиночестве, последние дни жизни проведя рядом с таким же страдальцем в монастырской клинике, завещает своё нехитрое имущество одному из насельников монастыря, а библиотеку – лавре. Последняя запись датирована 1 декабря 1897 года: «Здоровье мое плоховато. Дыхание делается все труднее и опухать начинаю. Положение тяжелое. Помози ми, Господи, терпеть болезнь! Христианскую кончину даруй ми и помилуй мя на суди Твоем! Да утвердится сердце мое в воли Твоей, Господи!» (л. 29) Последние слова дневника Авдия писаны церковно-славянским языком: словно чувствуя скорую кончину, монах поневоле переходит на «высокий слог», ибо только он в тот момент мог, видимо, передать всю трагичность и величие совершающегося.

Предсмертные записи Н. И. Пирогова (именно их конечная часть) пронизаны ощущением неотвратимо приближающейся смерти. Сам себя останавливая в пространных рассуждениях, автор подгоняет повествование о своей жизни: «Ой, скорее, скорее! Худо, худо! Так, пожалуй, не успею и половины петербургской жизни описать...» (515), – пишет всё понимающий о своём состоянии врач 22 октября 1881 г., и запись под этим числом оказывается последней, прерываясь на полуслове. Ощущение близости конца даёт Пирогову основание думать о себе уже не только находящемся здесь и возвращающемся в памяти в своё прошлое, но и стоящим в преддверии вечности, куда он, как глубоко верующий человек, готов уйти со смирением.

Предсмертные записи, как особый тип эго-документа, обладают, по нашим наблюдениям, следующими характеристиками – в той или иной степени выраженными и в той или иной степени обязательными:

1. В предсмертных записях совершенно очевидно ощущение приближающегося конца; это проявляется на всех уровнях текста: содержательном и формальном.

2. Предсмертным записям характерна незавершённость – как формальная («обрывание на полуслове»), так и содержательная (автор не мыслит свои записи как законченное произведение, а пишет, пока Бог даёт сил и жизни).

3. Углублённая интимность повествования, сосредоточенность только на себе (связанная с необходимостью предсмертного покаяния, очищения души, подготовки к переходу в иной мир, осмысления жизни).

4. Гораздо бóльшая откровенность в изложении описываемого (усиленная осознанием, что, имея в виду близкий конец автора, его записи с бóльшей вероятностью прочитают после его смерти, а не при жизни, когда чрезмерная откровенность сыграла бы против автора записок).

5. Гораздо бóльшая свобода в повествовании (в центр внимания становятся не формальные признаки жанра, а почти полное пренебрежение ими во имя постижения внутреннего смысла заканчивающейся жизни).

6. Еще бóльшая гетерогенность текста – тематическая, композиционная, стилистическая.

7. Неизбежное обращение к «вечным темам»; рядом с приближающейся смертью всё мелкое и суетное представляется как незначительное.

8. Неизбежное обращение к «высокому слогу» – в рассуждениях, в молитвенном или ином предстоянии перед вечностью, в описании жизненных реалий.

9. Наличие противоречий – в рассуждениях, композиции, обращении к собственному тексту, меняющемся настроении и др. Это одно из главных свойств эго-документа, поскольку человек и бытие в целом противоречиво, и лишь непосредственное

(а не художественно продуманное) отражение этой противоречивости создает истинную «литературу личности».

Несомненно, речь об этих характеристиках предсмертных записок может идти только тогда, когда смерть не является общечеловеческим представлением о конечности всего сущего, а представляется близкой и личностной неизбежностью, когда автор записок знает о своём состоянии, готовится к уходу из мира живых, смиряется со смертью. Ощущение конца должно быть не только результатом читательской рецепции (когда записки действительно писались незадолго до смерти, но автор к ней не был готов, когда, по народному выражению, смерть оказалась «напрасной», т. е. преждевременной и случайной); модус восприятия жизни через смерть должен был стать собственной позицией повествователя как автора записок о себе и своей биографии.

Примечательной особенностью предсмертных записок становится совмещение описания постепенного разрушения большого тела с лейтмотивом звучащей мыслью о ценности человеческой жизни. В записках Н. И. Пирогова слов с корнем «жизн(ь)» – около 500, с корнем «жив-» – ещё несколько сотен. Жизнь во всех её формах становится главной темой дневника, жизнь для Н. И. Пирогова становится смысловым синонимом света («в моем понятии жизненное начало ни с чем не может быть так сравнено, как с светом») (запись от 25 декабря 1879 г.), а размышление о жизни приводит врача-учёного к глубокой мысли – «Понятие о жизни также не есть одно обобщение» (запись от 4 декабря этого же года), доказывающей ценность бытия как бесконечности ощущений, испытываемых человеком при жизни.

Стоит, на наш взгляд, отметить, что само существование предсмертных записок есть факт утверждения ценности жизни. В противном случае в преддверии смерти записок о жизни человек не оставляет.

Предсмертные записки занимают в ряду эго-документов исключительное место как свидетельство преодоления страха смерти и самоанализа нравственного состояния личности. Любой эго-документ в той или иной мере отражает это, однако предсмертные записки в этом смысле являются самыми открыто-

венными и беспощадными автора к самому себе. И – что вполне закономерно – наиболее щадящими по отношению к другим.

Воля автора становится единственным мерилем степени достоверности и полноты описываемого в предсмертных записках. Свободная воля пишущего может быть расценена как дар, которым человек, уходящий из жизни, делится с теми, кто прочтёт записи после его смерти. Дискретность, фрагментарность, непоследовательность, избирательность и прочие характеристики подобного рода документов – лишь незначительные свойства того, что может быть воспринято как духовное завещание, даже если оно как завещание не предполагалось самим автором, уходящим из мира.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2013. № 6. С. 107-115.

Брежнев А. П. Пирогов. М. : Мол. гвардия, 1990. 476 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Геселевич А. М. Летопись жизни Н. И. Пирогова. М. : Медицина, 1976. 97 с.

Дунаева Ю. В. Эго-документы в исторической науке XX – начала XXI в. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 2017. № 3. С. 14-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-03-004-005-ego-dokumenty-v-istoricheskoy-nauke-xx-nachala-xxi-v-svodnyu-referat> (дата обращения: 01.11.2020).

Кравцов А. Н. Эго-документы русской эмиграции XX века : на материале публикации журнала «Возрождение» (Париж, 1949–1974) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.

Лежен Ф. В защиту автобиографии. Эссе разных лет // Иностранная литература. 2000. № 4. С. 108-121.

Лежен Ф. Когда кончается литература? // Автобиографическая практика в России и во Франции / под ред. К. Вьолле, Е. Гречаной. М. : ИМЛИ РАН, 2006. С. 261-275.

Мазинг Ю. А. Николай Иванович Пирогов: 200 лет жизни в истории России // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 203-221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-ivanovich-pirogov-200-let-zhizni-v-istorii-rossii> (дата обращения: 01.07.2020).

Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.08. М., 2008. 246 с.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М. : Флинта ; Наука, 2002. 424 с.

Нюбина Л. М. Воспоминание и текст. Смоленск : СГПУ, 2000. 161 с.

Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 54-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti> (дата обращения: 01.11.2020).

Соловьёва И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141-145.

Сочинения Н. И. Пирогова. СПб. : Типография Стасюлевича, 1887. Т. 1, 2.

Терешкина Д. Б. «Записки раба Божия Авдия»: история государства в контексте истории частной жизни // Бренное и вечное: социокультурная драма истории между мифом и политикой : материалы Всерос. науч. конф. 27-28 ноября 2012 г. Великий Новгород, 2013. С. 377-387.

Янская И., Кардин В. Пределы достоверности : очерки документальной литературы. М. : Сов. писатель, 1981. 408 с.

REFERENCES

Bondar' I. A. Ego-tekst i ego-dokument v literaturnom protsesse // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy: problemy poligrafii i izdatel'skogo dela. М., 2013. № 6. С. 107-115.

Brezhnev A. P. Pirogov. М. : Mol. gvardiya, 1990. 476 s. (Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudey»).

Geselevich A. M. Letopis' zhizni N. I. Pirogova. М. : Meditsina, 1976. 97 s.

Dunaeva Yu. V. Ego-dokumenty v istoricheskoy nauke XX – nachala XXI v. (svodnyy referat) // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5, Istoriya : Referativnyy zhurnal. 2017. № 3. С. 14-21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2017-03-004-005-ego-dokumenty-v-istoricheskoy-nauke-xx-nachala-xxi-v-svodnyy-referat> (data obrashcheniya: 01.11.2020).

Kravtsov A. N. Ego-dokumenty russkoy emigratsii XX veka: na materiale publikatsii zhurnala «Vozrozhdenie» (Parizh, 1949–1974) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. М., 2015. 26 s.

Lezhen F. V. zashchitu avtobiografii. Esse raznykh let// Inostrannaya literatura. 2000. № 4. С. 108-121.

Lezhen F. *Kogda konchaetsya literatura?* // *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii / pod red. K. V'olle, E. Grechanoy. M. : IMLI RAN, 2006. S. 261-275.*

Mazing Yu. A. *Nikolay Ivanovich Pirogov: 200 let zhizni v istorii Rossii // Prostranstvo i Vremya. 2010. № 2. S. 203-221. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-ivanovich-pirogov-200-let-zhizni-v-istorii-rossii> (data obrashcheniya: 01.07.2020).*

Mestergazi E. G. *Khudozhestvennaya slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoy literature XX veka) : dis. ... dokt. filol. nauk : 10.01.08. M., 2008. 246 s.*

Nikolina N. A. *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy. M. : Flinta ; Nauka, 2002. 424 s.*

Nyubina L. M. *Vospominanie i tekst. Smolensk : SGPU, 2000. 161 s.*

Sapozhnikova Yu. L. *Zhanr avtobiografii : ponyatie i osobennosti // Uchenye zapiski ZabGU. Seriya : Filologiya, istoriya, vostokovedenie. 2012. № 2. S. 54-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-avtobiografii-ponyatie-i-osobennosti> (data obrashcheniya: 01.11.2020).*

Solov'eva I. V. *Analiz avtobiografii i biografii s tochki zreniya sub'ektnoy perspektivy // Voprosy gumanitarnykh nauk. 2009. № 6. S. 141-145.*

Sochineniya N. I. Pirogova. SPb. : Tipografiya Stasyulevicha, 1887. T. 1, 2.

Tereshkina D. B. *«Zapiski raba Bozhiya Avdiya»: istoriya gosudarstva v kontekste istorii chastnoy zhizni // Brennoe i vechnoe: sotsiokul'turnaya drama istorii mezhdru mifom i politikoy : materialy Vseros. nauch. konf. 27-28 noyabrya 2012 g. Velikiy Novgorod, 2013. S. 377-387.*

Yanskaya I., Kardin V. *Predely dostovernosti: ocherki dokumental'noy literatury. M. : Sov. pisatel', 1981. 408 s.*